

В ГОСЛТИЗДАТЕ ВЫХОДИТ ПЬЕСА С СТИХАМИ И. СЕЛЬВИНСКОГО «УМКА — БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ» С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ ХУДОЖНИКА Б. РЫБЧЕНКОВА. СЛЕВА НАПРАВО: УМКА, НИНА И КАВАЛЕРИДЗЕ.

ДИСКУССИЯ О НОВОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Советский писатель из центра прибыл в отсталый и трудный край, куда которого с великим упорством стремились возвести поэты из хаоса зачатия советской культуры. Кругом лышился песок. Писатель мчался газоном: он спешил на станцию. Писатель видел поверхность явления — поверхность удовлетворила его. Лично погружаться в детали местного производства, в трудности роста, в жесткую и сырую действительность он не считал нужным. Отакированная действительность была для него ужасна. Очерк его был вместилищем синих фраз. Писатель созывал суррогат.

Одна встреча решила дело. Герой наш понял, что это не метко. Он никогда не уехал. Он остался жить и работать в отсталом краю, приобщаясь к жизни и борьбе, волеи в глубинах материала и стал совсем иным...

«Вступление к эпохе» Адалис начинается не этой поучительной историей, но она составляет один из существенных эпизодов книги, потому что отношение писателя к людям эпохи и материала эпохи — один из доминирующих в книге мотивов.

Форма «Вступления к эпохе» весьма своеобразна: цель очерков на драматическом каркасе. Очерки связываются беседой героев и беседой мотивируются.

Ночь перед отъездом в Казахстан. Герои ведут за чаем философский разговор. Собеседники первого акта — писатель и сторож зоопарка, бывший вор. Говорят о переходе из низших видов животных в более высокие, о предстории и будущей истории человека. «С литературной точки зрения, вы — невозможны образы: вы, исключение, а не тип», — говорит писатель своему собеседнику. Это не реалист. В жизни такая реальность существует, а в литературе не должна слушаться, сказала писательница.

«Вступление к эпохе» в целом не автобиографично, хотя автобиографические мотивы явно сказываются в очерках Адалиса. Мотивы эти здесь не обозначены, они не определяют сущность повествования. Писатель, выступающий в качестве персонажа философского диалога, в контексте которого «выполняет» очерки, задуманы скорее в отрывательном, чем в положительном плане. Он всегда несколько винен, даже перед лицом своих малоподготовленных собеседников, ставя «плотояд» в действительной жизни станут тождественными. Мало того, он хочет оказывать воздействие на судьбу героя. Роман — замкнутый в себе мир. «Гигантская, невероятно художественная стегноглава» — вот что, по его мнению, нужно. «Сравнительно близко время, когда эта называемая произведение литературы будет естественно в ярко-прекрасном виде» — и вспомним, что «важнейший элемент в ярко-прекрасном виде» — яркая точка зрения автора. Так рисует писатель из «Вступления к эпохе» задачи самовоспроизведения, так, повинимаясь, рисует ему реалистический метод.

Таким образом ставит Адалис в своих персонажах проблему типично-го и единичного. Для читателя проблема эта выплывает в очерках, показывающих «частные случаи», для очерка как раз и характерно частное, реальные детали и конкретное имя героя. Обобщение и типизация — закон новеллы. Художественные же очерки Адалиса, будучи на грани очерка и новеллы, — ибо единичность, послужившую автору

материалом, он стремится оформить новеллистически, — не перестают от этого быть очерками, но становятся разношерстной иллюстрацией проблемы, так иначе поставленных автором в лице персонажей его философской беседы.

Основная проблема — улучшение общественного человека в связи с социальным толкованием зарубежной теории. «Материал напечатан пошел такой, что недостаточно было талантливым писателем. Нужно быть философом и ученым». Такое изречение писателя из «Вступления к эпохе» в данном случае определяет и постановку автором подобной проблемы и вытекающую из нее всю структуру этого драматизированного цикла очерков. И если самая проблема ставится, может быть, слишком прямолинейно (насколько большая была бы заслуга автора, если бы он достиг тут единства художественного показа), то все же постановка ее, бесспорно, целиком подчеркнула антигегельянскую преисполненную «растровой» эстетики. Улучшается только порода людей, переделывающих жизнь, вырастает и оформляется новый тип социалистического человека.

Мысль о новом человеке в новом его отношении к миру — другая мысль, грозящая известное единство в разнохарактерных очерках Адалиса. Она проникает повествование в плане того социального материала, с которым работает писатель, или же возникает и в плане мастерства. Удастся ли советскому писателю показать должным образом нового человека? Пока он не умеет сделать это по-настоящему, потому что существо нового человека он не видит. В этом отношении писатель из цикла Адалиса — «шенок нового человека» — как он именует себя, оказывается далеко не исключением. Он говорит: «Я не могу очень хорошо писать, потому что я не впереди тех людей, о которых пишу. Когда-то писатель, чорт побери, был Байроном среди поэтиков, а я уже не раз оказывался поинициатором среди Байронов».

И вот писатель идет той таинственной горкой, на которой произведение искусства и прокрутят действительной жизни станут тождественными. Мало того, он хочет оказывать воздействие на судьбу героя. Роман — замкнутый в себе мир. «Гигантская, невероятно художественная стегноглава» — вот что, по его мнению, нужно. «Сравнительно близко время, когда это называемое произведение литературы будет естественно в ярко-прекрасном виде» — и вспомним, что «важнейший элемент в ярко-прекрасном виде» — яркая точка зрения автора. Так рисует писатель из «Вступления к эпохе» задачи самовоспроизведения, так, повинимаясь, рисует ему реалистический метод.

Это выражается в сущности алогической очерка, где очерк возводится почти в абсолют, в принцип и метод литературы будущего.

Такой вложенный в уста своего персонажа взгляд на взаимоотношения литературы и действительности автор пытается в известной мере реализовать в своем повествовании, но провести такой принцип до конца невозможно. Автор в противовес своему

БОРИС БЕГАК.

ПУШКИН РАБОТА Д. Д. БЛАГОГО

К столетнему юбилею со дня смерти Пушкина литературоведом проф. Д. Д. Благой готовится капитальный труд о жизни и творчестве поэта.

«Не будет парадоксом сказать, — заявил в беседе с нашим сотрудником проф. Д. Д. Благой, — что пушкинами наша страна стала же боярь, сколь и белы. О Пушкине написано колоссальное количество книг и статей, но пушкинами часто остаются лишь выдающимися писатели, а пушкинами называются вновь выдающиеся писатели. Лирическое стихотворение же И. Гринберга показывает человека во всем многообразии его жизненной практики, а лирика раскрывает все богатство внутреннего мира общественного человека. Отсюда в эпосе писатель стремится, говоря словами Дессинга, «сделать идеи, возбуждающие мысль в нас, стать живыми, чтобы мы воображали, будто испытываем действительные чувственные представления изображаемых предметов».

А в лирике эти идеи выступают в форме столь же живо изображенного, конкретного, индивидуального жизненного переживания. Задача лирика — социалистического реалиста состоит в том, чтобы суметь показать типическое переживание, которое вызвано определенными типическими обстоятельствами.

В той или иной исторической обстановке мере лирика прошлого и представляла собой отражение круга переживаний, мыслей, чувств и т. п., типических для данной социальной группы, и элемент обективности, появившийся в лирике Пушкина за счет отсутствия самобытности поэта. В результате такой погони за предметностью мы не получаем самого переживания, а в то же время описание, «предметность» этих неизвестных схематичных и схематичных описаний.

Приметность буржуазной эстетики была основана на опущении, существующем без субстанций... лирика, по законам буржуазной эстетики, была чистым переживанием, очищенным от элементов обективного мира. В противовес буржуазной лирике лирика социалистическая, по мнению И. Гринберга, «как правило, содержит изображения и предметы, которые не столько изображаемый объект, сколько отношение поэта к нему».

Причем изображение изображаемого не является без субстанций... лирика, по законам буржуазной эстетики, была чистым переживанием, очищенным от элементов обективного мира. В результате такой погони за предметностью мы не получаем самого переживания, а в то же время описание, «предметность» этих неизвестных схематичных и схематичных описаний.

В процессе работы мне пришлось пересмотреть ряд традиционных воззрений на жизнь и творчество Пушкина. Например, в литературоведении 60-летия юбилея Пушкина считается очевидным фактом. Сам поэт не раз с гордостью говорил о зоркости своего рода, на самом же деле руки Пушкина не так уж древесны. Работа выйдет в Гослитиздате в двух томах. И том выпускается в 1935 г. Г. Том в 1936 г.

РОМАН А. АВДЕЕНКО «Я люблю»
ВЫШЕЛ В ИЗД-ВЕ ИНОСТРАННЫХ РАБОЧИХ В СССР, НА НЕСКОЛЬКИХ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ. МЫ ПРИВОДИМ ОБЛОЖКИ РОМАНА НА АНГЛИЙСКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ.

ЛИРИКА и ЭПОС

В статье «К проблеме социалистической лирики», помещенной в недавно вышедшем сборнике «Борьба за стиль», И. Гринберг пытается определить как сам характер «лирического эпоса», так и формы, в которых он выступает в буржуазной и советской поэзии.

Вопросы эти вымынуты очень своевременно. Нашей притчи о том, что в лирике эпоса и эпос в лирике, неизвестны пока еще. Но надо сказать, что в лирике эпоса и эпос в лирике, неизвестны пока еще. Но надо сказать, что в лирике эпоса и эпос в лирике, неизвестны пока еще.

И. Гринберг исходит из положения, что «в лирике ведущий и определяющий момент — субъективный; эпос стоит на отношении художника к действительности». Это положение, конечно, верно, но крайне обще и недостаточно; им не исчерпывается своеобразие лирики. Основываясь на нем, И. Гринберг неизбежно сужает самое содержание лирического творчества и поэтому приходит к неверным выводам. Лирическое стихотворение же И. Гринберга состоит как бы из двух частей: из того или иного обекта, предмета обективной практики, а лирика раскрывает все богатство внутреннего мира общества.

Отсюда в эпосе писатель стремится, говоря словами Дессинга, «сделать идеи, возбуждающие мысль, чувства и т. п., типических для данной социальной группы, и элемент обективности, появившийся в лирике Пушкина за счет отсутствия самобытности поэта. В результате такой погони за предметностью мы не получаем самого переживания, а в то же время описание, «предметность» этих неизвестных схематичных и схематичных описаний.

В той или иной исторической обстановке мере лирика прошлого и представляла собой отражение круга переживаний, мыслей, чувств и т. п., типических для данной социальной группы, и элемент обективности, появившийся в лирике Пушкина за счет отсутствия самобытности поэта. В результате такой погони за предметностью мы не получаем самого переживания, а в то же время описание, «предметность» этих неизвестных схематичных и схематичных описаний.

Обратимся к примеру: Города, города, города. Электричество, нефть, руда. Ни бахвалистов, ни таверн, Экскаватор — мотор. Комбайн. Жесткий дerrick. Турбина. Трос. Катериплер. Совхоз. Колхоз. Ветряный план. ФЗУ. Автодор. Сельмашстрой. Днепрострой. Рабсельстрор.

Пятилетка. Прибыл коммунист. План. Ударники. Сталь. Чугун. Что же может быть этого краша?

И все это наша! Этими стихами, А. Базынским весьма поучительны. С одной стороны, он не дает той конкретизации описания, которой требуют «План, Ударники, Сталь. Чугун», а с другой, переживание дает с предельной скрупульностью.

Предметность не усиливает, а ослабляет воздействие стихотворения на читателя. Он определяет уход поэта в круг язко-личных переживаний, отделяющих его от мира, культ одиночества и т. п. Брюсов, например, не только рассматривает любовь как форму художества и т. п., но и в любви находят типичные для этого краша.

Я был не одинок во храме. Дал подсмотреть свой потаенный

сон. И этот храм ложзором сочтенный В моей душе навеки останется.

Он этот субъективизм является не «спецификой» лирики, а лишь один из языковых форм, в которых лирика социалистической, показывающей внутренний мир человека, не антигностического общества, а единого с ним, этот «дурной субъективизм» отталкивает, но заставляет показывать богатство индивидуального мира человека в его конкретных проявлениях остается в полной мере. Между

И. Гринберг, исходя из неверного положения о том, что «объект» появляется лишь в социалистической лирике, делает упор на ее «предметность», на «изобразительную образность», а так как именно эпос имеет полное изображение предметного мира, то Гринберг и прокламирует эпизоды переживания. Так происходит эпизодизация лирики, если угодно, лиризация эпоса. Такова концепция лирики, которую дают И. Гринберг и которая не столько помогает разобраться в проблеме, сколько дезориентирует и читателя, и поэта.

Очевидно, конечно, что самое существо лирики прошлого с «опущением без субстанций», безотносительно философской беззаботности этой формул лирики, является лишь «стоной абстракции», которая расщепляется при первой же ее пропеве (не говоря уже о крайней недооценке лирики прошлого при таком к ней подходе). В самом деле, возможен для примера небольшое стихотворение Некрасова: «Роскошь вы, хлеб заповедные

Родимых низ. Цветут, растут копосы напивные, А я чутк жив.

Ах, странно так я созан небесами. Таков мой рок. Что хлеб полей, возделанных рабами, Нейдет мне впрок.

Нетрудно заметить, что здесь «опущение» Некрасова не лишено смысла, без субстанций, хотя считать лирику социалистической не приходится. И пример этот отнюдь не единичен; стоит вспомнить хотя бы место, которое занимает в лирике прошлого природы, чтобы убедиться в яркости ее изображения. Такой же яркий пример — «Людмила» Глинки, в которой лирическое переживание не является без субстанций, а в то же время не усиливается, а может лишь деморализировать поэта, особенно начинаяющего. Лоунг прелестен в описательной лирике, т. е. к внутреннему противоречию. Еще Гораций пишет о том, что «глупый поэт не в силах ничего сделать, он начинает описывать рощу, жертвенник, ручей, вспышки по злым лугам, шумящий поток, руины и т. д. «Когда поэт нечего сказать более важного, он пишет», — пишет Потебня. И эти замечания совершенно справедливы. В эпическом произведении

также

автор заставляет читателя сделать «умный» вывод логикой самого новелловиста, ограждаясь от обмана событий и т. д., что читатель сам неизбежно приходит к определенному заключению, определенной идее. Лирика, не останавливаясь на развернутом описании людей, событий и т. п., дает читателю свое переживание по поводу этих людей, событий и т. п., в котором заключена нужная идея.

Чем ярче и убедительнее раскрытое в лирике произведения, тем сильнее действие произведения. И вся структура лирического стихотворения — эмоционально насыщенный интонационный строй, данный в наиболее напряженном ритмическом выражении, совершившее своеобразное использование слова, звука, насыщенность и т. д. — и может быть осмыслена именно как комплекс средств, необходимых для раскрытия

автора заставляет читателя сделать «умный» вывод логикой самого новелловиста, ограждаясь от обмана событий и т. д., что читатель сам неизбежно приходит к определенному заключению, определенной идее. Лирика, не останавливаясь на развернутом описании людей, событий и т. п., дает читателю свое переживание по поводу этих людей, событий и т. п., в котором заключена нужная идея.

Чем ярче и убедительнее раскрытое в лирике произведения, тем сильнее действие произведения. И вся структура лирического стихотворения — эмоционально насыщенный интонационный строй, данный в наиболее напряженном ритмическом выражении, совершившее своеобразное использование слова, звука, насыщенность и т. д. — и может быть осмыслена именно как комплекс

средств, необходимых для раскрытия автора заставляет читателя сделать «умный» вывод логикой самого новелловиста, ограждаясь от обмана событий и т. д., что читатель сам неизбежно приходит к определенному заключению, определенной идее. Лирика, не останавливаясь на развернутом описании людей, событий и т. д., дает читателю свое переживание по поводу этих людей, событий и т. п., в котором заключена нужная идея.

Чем ярче и убедительнее раскрытое в лирике произведения, тем сильнее действие произведения. И вся структура лирического стихотворения — эмоционально насыщенный интонационный строй, данный в наиболее напряженном ритмическом выражении, совершившее своеобразное использование слова, звука, насыщенность и т. д. — и может быть осмыслена именно как комплекс

средств, необходимых для раскрытия автора заставляет читателя сделать «умный» вывод логикой самого новелловиста, ограждаясь от обмана событий и т. д., что читатель сам неизбежно приходит к определенному заключению, определенной идее. Лирика, не останавливаясь на развернутом описании людей, событий и т. д., дает читателю свое переживание по поводу этих людей, событий и т. п., в котором заключена нужная идея.

Чем ярче и убедительнее раскрытое в лирике произведения, тем сильнее действие произведения. И вся структура лирического стихотворения — эмоционально насыщенный интонационный строй, данный в наиболее напряженном ритмическом выражении, совершившее своеобразное использование слова, зву

СОВРЕМЕННИК

МИХ. ЛЕВИДОВ

Это было за восемь лет до тысяче-

летней годовщины Фирдоуси.

В сентябрьский холодный вечер.

На зеленых звездах.

На берегу Аракса.

Я жил в Ордубате — веселом го-

роде у персидской границы, среди

сияющих отражений тяжелых гор.

Группа некогда гром — пебесная

горы цветные легли — обломки

разбитых небес.

Так сказал поэт, речь о котором

был Аракс.

Секретарь партийной ячейки сов-

хоза в Баш-Норашене поучал меня:

— Есть торговцы и торговли.

Я у聆лся в этом лично. На ору-

батском базаре я видел одного ста-

рика, торгующего сахаром. Десять

кучет сладкого песка лежали на ма-

леньких газетных клочках. Больше в

его лавке не было ничего, кроме ста-

рой камышевой цыпленки и стоптанных

тюфяков.

Большая куча сахара стояла гри-

зинами.

Я хотел купить весь его товар, но

торговец заупрямился и отказался

продавать.

— Я охотно не торгую. Хотешь,

иди отсюда.

Но было уже поздно — девятый

час вечера — и на кооперативных

дверях висели замки, тяжелые, как

прудовые гиры.

Продав товар, торговец вынужден

был ити домой.

А он хотел «сторговать», он хотел

видеть течение жизни перед своими

глазами, вести разговор с покупате-

лем, обмениваться новостями. А

других способов видеть жизнь он не

знал.

Дома была то-

ника.

Базар, медрессе,

караван-сарай, чай-

хана — таковы

были многочисленные

клубы старого Во-

стока, а новый

Восток был еще

закрытым книжкой

для базарного ста-

рика.

Поэт, о котором

я хочу рассказать,

тоже был торговцем.

Не называла его

имени, я выполняю

волю поэта.

Для читателя это

имя будет звучать

так же, как звучала

бы, например,

Рассуль-Зада.

Казалось, он был

иной породы, не-

желаю усталый ста-

рик с сахаром. Но

это лишь казалось.

Старик и его

саходарная торговля

были гены и ниши.

Сладкая лавка Рассуль-Зада свети-

лась, как праздник.

В кругах зиял его лавки ле-

жлы группы зеленого, золотого, крас-

ного и зыбчивого янтаря, пущин-

истые персидские, оранжевые лавки, солнечный янтарь на черных лапчатых

листах. Он торговал сухими лимон-

ами. Но цена всему этому была ко-

пейка. Что стоит в тех местах, в са-

мой южной полосе Закавказья, гру-

бий бессорный янтарь, горьковатые

персидские, третескорные фисташ-

ки? Но Рассуль-Зада умел украсить

свою лавку.

Здесь он писал свои стихи.

Ему было тогда пятьдесят три го-

да. Но острые глаза его и крепкие

зубы выгляделы так молодо, что ка-

залось, будто он не юшел еще до

подиумы своей жизни.

О том, что он пишет стихи, я у-

нал не сразу.

Мы были знакомы месяца. Я бы-

ла, будто он для меня —

нашего покупателя, о Джалалдине

Руми и Хафизе, о Саади и Джами..

Национальные литературы тогда

только начинали просачиваться в

страны газеты журналы. Я спро-

сил у Рассуль-Зада, публиковал ли он

что-нибудь из своих произведений.

— Нет, — сказал он. — У под-

вал короткая жизнь. Я знаю судьбу

многих из них, все они почему-то

умерли очень рано и плачкой смертью.

Мне пятьдесят три года, и я не хочу

умирать. Зачем знать меня сейчас

здесь? Слава может опятьться.

Затейливый взгляд на меня наизн-

ачало, его сузие пальцы перебирали

антарные, т. е. по правде сказать,

стеклянные четки.

Он продолжал:

— Пoети Persia написали много

разных книг. Я знаю «Шах-Наме»³,

«Сеадет-Наме»⁴, «Рушен-Наме»⁵,

«Сафар-Наме»⁶ и другие. Но никто

еще не написал «Адам-Наме»⁷. И я

пишу ее. Что может быть прекрасной

личиной? Разве какая-нибудь из живущих

людей может быть прекрасной?

— У Абу-Сеид-Ибн-Абиль-Хейра,

— сказал я, — есть по этому

поводу немецкая газета.

И он горячо пропел газеллу

Абу-Сеида о печали и о затаине.

И напрям память и вспомнил род-

ственное четверостишие Пушкина.

— Пушкин тоже очень хороший

поэт, — согласился Рассуль-Зада.

И он горячо пропел газеллу

Абу-Сеида о печали и о затаине.

И напрям память и вспомнил род-

ственное четверостишие Пушкина.

— Пушкин тоже очень хороший

поэт, — согласился Рассуль-Зада.

И напрям память и вспомнил род-

ственное четверостишие Пушкина.

И напрям память и вспомнил род-

ственное четверостишие Пушкина.

И напрям память и вспомнил род-

ственное четверостишие Пушкина.

И напрям память и вспомнил род-

ственное четверостишие Пушкина.

И напрям память и вспомнил род-

ственное четверостишие Пушкина.

И напрям память и вспомнил род-

ственное четверостишие Пушкина.

И напрям память и вспомнил род-

ственное четверостишие Пушкина.

И напрям память и вспомнил род-

ственное четверостишие Пушкина.

И напрям память и вспомнил род-

ственное четверостишие Пушкина.

И напрям память и вспомнил род-

ственное четверостишие Пушкина.

И напрям память и вспомнил род-

ственное четверостишие Пушкина.

И напрям память и вспомнил род-

ственное четверостишие Пушкина.

И напрям память и вспомнил род-

ственное четверостишие Пушкина.

И напрям память и вспомнил род-

ственное четверостишие Пушкина.

И напрям память и вспомнил род-

ственное четверостишие Пушкина.

И напрям память и вспомнил род-

ственное четверостишие Пушкина.

И напрям память и вспомнил род-

ственное четверостишие Пушкина.

И напрям память и вспом

«ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО»

Книжная витрина

Недавно поступают в продажу следующие книги, выпущенные Гослитиздатом:

«Избранные произведения Левинида Леонова». В книгу входят: «Саранчук», «Белая ночь», «Провинциальная история», «Невыбывшие рассказы мужиках», «Уход Хама», «Тайтум» и др.

«Похищение Европы» К. Федина — книга I, в серии детской библиотеки ОГИЗ тиражом 75.000 экз.

Третий том шеститомного издания Пушкина, включающий поэмы и драмы.

«Четвертая симфония» Э. Ингобор. В книгу входит также рассказ «Ловец воинских блок» и «Назад, в пещеру», написанные в форме пьесы. Все эти вещи обединены общей темой — кризисом на Западе.

«Последняя ночь» — поэтическое творчество писателя А. Никитова — в серии «Творчество народов ССРС».

«Кроты» — роман немецкого пролетарского писателя А. Фарера в переводе А. Лурье.

«Батрак» — поэма туркменского писателя Таш-Назарова.

«Смотр сил» — сборник второй прозаических молодых авторов, группирующихся при Гослитиздате.

«Грузинская литература» — доклад М. Торошелидзе, произнесенный на съезде советских писателей.

ЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

Институт красной профессуры литераторов организует с 15 октября цикл лекций по истории русской и мировой литературы и советской прозе, поэзии и драматургии. Лекции рассчитаны на рабочий акт, преподавателей школ, рабфаков и техникумов, литеактузовцев, библиотекарей и т. п. По русской литературе намечены лекции о Пушкине, Чернышевском, Белинском, Михаиле Шолохове и т. д. По истории мировой литературы о Фирлеусе, Стендалье, Шекспире, Гете и др. По современной зарубежной литературе будут сделаны доклады об Анатоле Франсе, Андрее Жюлье и Драйзере.

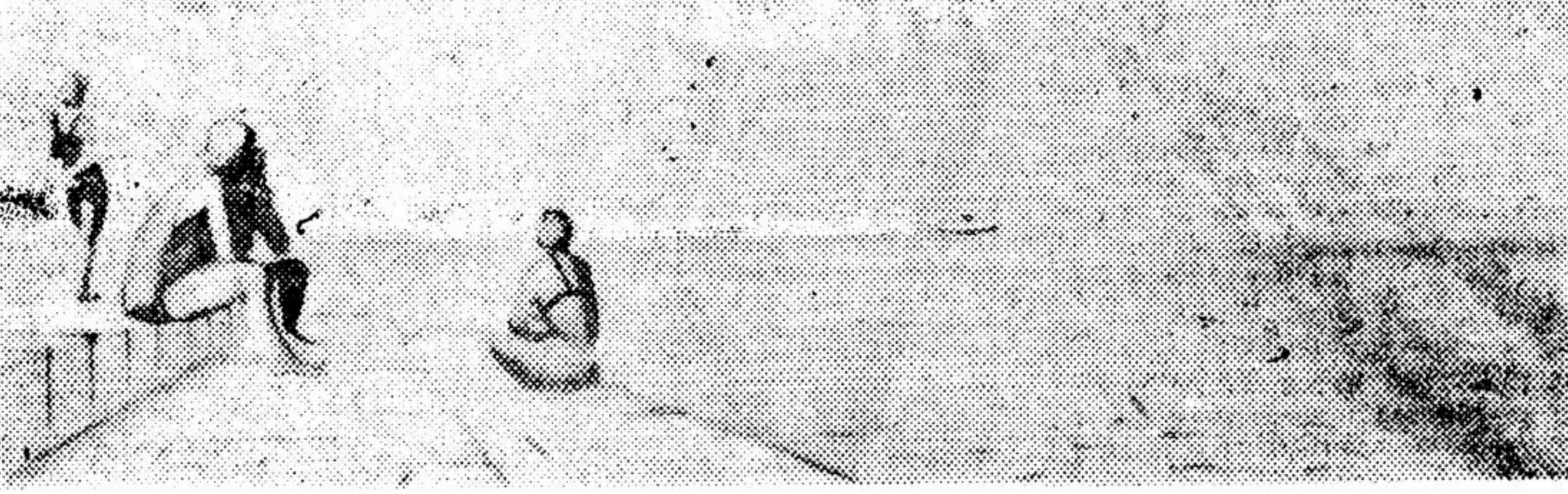
Лекции будут проводиться в актовом зале ИКИ литературы (Крымская пл., 2) по 5-м, 15-м и 20-м числам каждого месяца.

КНИГА К VII СЪЕЗДУ СОВЕТОВ

НОВОСИБИРСК. Кузбасскому выдаются к VII всесоюзному съезду советов новую книгу «Прошлое и настоящее Протокольска». Она отразит борьбу партийной организации Западной Сибири за осуществление указаний Т. Сталина — превратить Кузбасс во второй Донбасс. Книга поможет достижения Прокопьевского руководника и горняков-изобретателей.

(РОСТА).

Советская графика

Худ. ДЕЙНИКА. «СЕВАСТОПОЛЬ».

27 сентября в ВОКС состоялся просмотр отправленной в Лондон выставки советской графики. Наши художественные выступления за границей пользуются большим успехом. Имена лучших советских графиков хорошо известны в Европе и Америке. Выставка, отправленная в Лондон, подобрана особенно тщательно. Раздел гравюры на дереве содержит целый ряд изысканных сюжетов, еще не выпущенных в издательствах и не известных советскому зрителю. Характерен большой интерес советских художников к лучшим произведениям зарубежной литературы.

Гомер иллюстрирована тремя художниками. «Одиссей» П. Шиллингсона и Л. Мильтонга и «Илиада» А. Суворова. Работы художника Мильтонга и «Одиссея» галантны и свежее явление в советской графике. «Вид Ниагара» Данте иллюстрирована В. А. Фаворским. Этой встрече Фаворского с Данте — глубокая радость для художника, читателя и зрителя. Глубокое проникновение художника в дух Ренессанса создало произведение нежное, радостное и множественное. Очень удачны острые гравюры М. Поливкова к

«Германии» Г. Гейне. Все эти работы, а также гравюры А. Гончарова к «Смоллетту», Д. Штеренберга к Гогле не могут не вызвать большого внимания за границей. Советские художники без всякого привкуса стилизации стараются найти современное понимание смысла, идей и стиля произведений мировой литературы.

Менее повезло литературе советской. Из новинок здесь можно отметить только рисунки Кирьянимиса к «Жизни Климента Самгина» М. Горького.

Кроме книжной графики на выставке будет обильно представлена и графика станковая. Ряд блестящих акварелей А. Фонвизина, Л. Бруни, А. Дейнико и прекрасных рисунков М. Родионова, П. Митурича, П. Львова, С. Герасимова.

Перечисленная здесь — лишь небольшая часть представленного на выставке. Выставка насчитывает свыше 300 листов.

Выставка будет несомненно иметь большой художественный успех.

ТЕАТРАМ — СПЕЦИАЛЬНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

НА СОВЕЩАНИИ В НАРКОМПРОСЕ

На совещании, созванном Наркомпросом третьего дня по вопросу о работе театров со зрителем, много внимания было уделено литературной деятельности театров.

Литературная работа театров должна выражаться в выпуске специальных программ, литературных шпарточек, стенных и многостраничных газет, а также иллюстрированных брошюр, посвященных той или иной премьере, популяризирующих отдельные спектакли. Театры должны издавать небольшие биографические очерки о творческих работниках, истории создания спектаклей, истории театров.

Об этом говорил председательство на совещании Т. Новинский, указавший, между прочим, что ленинградские театры в этом смысле

передали москвичей. Выступавшие в прениях представители театров (т. Филиппов — Малый театр, т. Задесский — МХАТ II) указывали на тяжелые условия, в которых протекает литературная деятельность театров: недостаток бумаги, полиграфической базы и пр.

Особая критика подверглась изательской деятельности находящейся в ведении УГТ Наркомпроса Центральной театральной кассы, которой предоставлено Наркомпросом «монопольное право» на издание литературных материалов для театров. Это право ЦКИССП используется для увеличения своей прибыли.

На совещании был поднят вопрос о создании специального театрально-издательства.

НОВЫЙ СБОРНИК ПЕСЕН

В ГИХЛ под редакцией Асеева и Соколова выходит сборник песен «Под знаком Ленина». В сборнике песни деревенской деревни, социалистического города, комсомола, Красной армии, революционные песни, возникшие в эпоху гражданской войны, и зарубежные революционные песни.

В книгу наряду с фольклорным материалом включены наиболее популярные песни, написанные советскими поэтами и революционными писателями Запада и Востока.

(РОСТА).

НОВАЯ ПЬЕСА К. ФИННА

Еще в прошлом году Второй Художественный театр показал несколько пьес советским драматургам, в том числе и К. Финну. Весной пьеса была представлена дирекции театра и по ее указанием доработана автором.

25 сентября К. Финн читал свою пьесу группе театра. Пьеса получила теплое и единодушное одобрение театра.

Сложный психологический процесс, переживаемый интеллигенцией, которая пересматривает свое прошлое и приходит к активному участию в социалистической деятельности, — вот в двух словах тема этой пьесы. Ставить ее будет А. М. Азарин в А. И. Чабан. Назначена по преварительному плану постановка пьесы на март 1935 г. перенесена театром на конец декабря 1934 г.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

КНИГА НЕХВАТАЕТ

Формовщик литьевого цеха т. Сагусый (лагонный завод в г. Калинине) рабочий день не бывает в библиотеке. Он следит за всеми литературными новинками. Уже несколько анонсированных карточек Сагусова называются: «Венчущая», «Черное золото», «Петр I», «Капитальный ремонт» и др.

И таких, как Сагусый, на заводе не мало.

Среди книг, прочитанных молодой работницей паросилового цеха Колесовой, — произведения М. Горького, романы Диккенса, книга Ремарка «На западном фронте без перемен», «Русская история» Покровского и др.

Две тысячи рабочих вагонного завода берут книги в заводской библиотеке, среди них — 315 коммунистов и 477 комсомольцев. Ежедневно библиотеку посещают 50—60 чел. Среди них старые рабочие, мастера и инженеры, фабриканты и учащиеся, но книг нехватает.

В библиотеке всего 4 экз. «Тихого Дона», «Капитальный ремонт» имеется в 15 экз.

В цехах работают 15 передвижных библиотек. Библиотеки у них тоже скучные.

Есть недочеты и в работе библиотеки. Основное — это помещение. Библиотека стоит в небольшой комнатах клуба «Металлист». Массовая работа с читателями не наложена. Однако в последнее время библиотека начинает перестраивать свою работу.

Организуются читки художественных произведений в семьях ударников, лучших ударников книги будут доставляться на дом. В вагоноброцентре цехе организуется филиал заводской библиотеки. Особое внимание уделяется подготовке чтения художественных произведений.

БОРИС ВИНОГРАДОВ.

Кино „Пастух и царь“

на просмотре в Межрабпомфильме

Сценарист Н. Кауфман и режиссер А. Ледаев поставили перед собой интересную и нужную задачу: оживить старую кинохронику, засыпанную еще при царском режиме и при временном правительстве, а затем в дни гражданской войны.

Но налипсы, сообщающие артистам, что звуковая пьеса «Пастух и царь» сделана из остатков исторических хроник, не вполне отвечает действительности. Кроме хроникального материала (исторический и кинематографический) в фильме еще две составные части: куски из советских игровых фильмов и специально засыпанные сцены. При помощи последних в фильме введен сложный сюжет: рассказ о том, как пастух Иван (его играет Н. Баллов), проходя через завод, проводит артистическую работу, фронты империалистической и гражданской войн.

Причин построения фильма на такого разнохарактерного материала оказалось порочным. Куски из прежде засыпанных игровых фильмов выпадают из плана картины.

Вновь засыпанные куски должны служить дополнением к хронике, и в то же время им предстоит стать ведущими фишками: составить смешанный стяжкой картины. Здесь явное противоречие. Образ пастуха задуман как обобщенный образ человека, выросшего в борьбе за революцию, показываемый на широчайшем историческом фоне. Вспоминается аналогичная попытка в драматургии: фигура Сысоева в «Первой конной» В. Виницкого. Там эта попытка удалась в частности благодаря единству метода автора. В картине же Межрабпомфильм все процессы вываливаются, засыпанные куски не вписываются в общую картину.

Среди книг, прочитанных молодой работницей паросилового цеха Колесовой, — произведения М. Горького, романы Диккенса, книга Ремарка «На западном фронте без перемен», «Русская история» Покровского и др.

Две тысячи рабочих вагонного завода берут книги в заводской библиотеке, среди них — 315 коммунистов и 477 комсомольцев. Ежедневно библиотеку посещают 50—60 чел. Среди них старые рабочие, мастера и инженеры, фабриканты и учащиеся, но книг нехватает.

В библиотеке всего 4 экз. «Тихого Дона», «Капитальный ремонт» имеется в 15 экз.

В цехах работают 15 передвижных библиотек. Библиотеки у них тоже скучные.

Есть недочеты и в работе библиотеки. Основное — это помещение. Библиотека стоит в небольшой комнате клуба «Металлист». Массовая работа с читателями не наложена. Однако в последнее время библиотека начинает перестраивать свою работу.

Организуются читки художественных произведений в семьях ударников, лучших ударников книги будут доставляться на дом. В вагоноброцентре цехе организуется филиал заводской библиотеки. Особое внимание уделяется подготовке чтения художественных произведений.

Борис Виноградов.

ИЗВЕЩЕНИЕ.
1 октября, в 18 ч., в зрительном зале Союза советских писателей (ул. Воровского, 52) съезжается открытое собрание партийных ССП СССР.

НА ПОВЕСТИ ДНИ:
Итоги I всесоюзного съезда писателей.

Приглашаются беспартийные писатели и комсомольцы. ПАРТКОМ ССП СССР.

ИЗВЕЩЕНИЕ.
1 октября, в 18 ч., в зрительном зале Союза советских писателей (ул. Воровского, 52) съезжается открытое собрание партийных ССП СССР.

НА ПОВЕСТИ ДНИ:
Итоги I всесоюзного съезда писателей.

Приглашаются беспартийные писатели и комсомольцы. ПАРТКОМ ССП СССР.

ИЗВЕЩЕНИЕ.
1 октября, в 18 ч., в зрительном зале Союза советских писателей (ул. Воровского, 52) съезжается открытое собрание партийных ССП СССР.

НА ПОВЕСТИ ДНИ:
Итоги I всесоюзного съезда писателей.

Приглашаются беспартийные писатели и комсомольцы. ПАРТКОМ ССП СССР.

ИЗВЕЩЕНИЕ.
1 октября, в 18 ч., в зрительном зале Союза советских писателей (ул. Воровского, 52) съезжается открытое собрание партийных ССП СССР.

НА ПОВЕСТИ ДНИ:
Итоги I всесоюзного съезда писателей.

Приглашаются беспартийные писатели и комсомольцы. ПАРТКОМ ССП СССР.

ИЗВЕЩЕНИЕ.
1 октября, в 18 ч., в зрительном зале Союза советских писателей (ул. Воровского, 52) съезжается открытое собрание партийных ССП СССР.

НА ПОВЕСТИ ДНИ:
Итоги I всесоюзного съезда писателей.

Приглашаются беспартийные писатели и комсомольцы. ПАРТКОМ ССП СССР.

ИЗВЕЩЕНИЕ.
1 октября, в 18 ч., в зрительном зале Союза советских писателей (ул. Воровского, 52) съезжается открытое собрание партийных ССП СССР.

НА ПОВЕСТИ ДНИ:
Итоги I всесоюзного съезда писателей.

Приглашаются беспартийные писатели и комсомольцы. ПАРТКОМ ССП СССР.

ИЗВЕЩЕНИЕ.
1 октября, в 18 ч., в зрительном зале Союза советских писателей (ул. Воровского, 52) съезжается открытое собрание партийных ССП СССР.

НА ПОВЕС